

Нариман Туребаев

Уроки любви и жестокости
ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

Нариман Туребаев

Уроки любви и жестокости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802474

SelfPub; 2023

Аннотация

Маленькая пьеса о словесной (и не только) битве между королем Генрихом VIII и его дочерью-подростком Елизаветой, будущей великой королевой.

Нариман Туребаев

Уроки любви и жестокости

ОПОЧИВАЛЬНЯ КОРОЛЯ. ВЕЧЕР.

ГЕРОИ:

ГЕНРИХ VIII – КОРОЛЬ АНГЛИИ

ЕЛИЗАВЕТА – ЕГО ДОЧЬ 13-ТИ ЛЕТ, БУДУЩАЯ ВЕЛИКАЯ КОРОЛЕВА

Действие пьесы происходит за 10 дней до смерти Генриха, когда король, съедаемый предсмертными муками и беспричинным гневом, издал множество ордонансов о казни своих приближенных, многие из которых ему были всегда верны. Свой трон Генрих завещает 10-летнему сыну Эдуарду, а дочерям Марии и Елизавете лишь остается ждать своей очереди. А сейчас король Генрих VIII готовит казнь своего соратника графа Суррея Генри Говарда, бывшего не только мудрым политиком, но и великим поэтом Англии. С королем – его дочь Елизавета, чью мать Анну Болейн он казнил задолго до этого. Стоит упомянуть, что главным достижением Генриха VIII было отделение английской церкви от римско-католической, за что он нажил немало врагов дома и в Европе.

В пьесе использованы стихи графа Суррея Генри Говарда.

На сцене стоит пустой трон, роскошная софа, стол с напитками и бумагами, стулья, книжный шкаф, буфет, горят свечи и канделябры. Сцена разделена надвое стеной с дверью – большую часть занимает опочивальня, меньшую – коридор и выход во дворец. На софе полулежит тучный немолодой мужчина (ГЕНРИХ) в мятом пиджаке. Генрих читает длинный свиток бумаги, в гневе комкает его и бросает на пол, где уже валяется много таких комков бумаги.

ГЕНРИХ

Лиза! Лиза!

В ответ – тишина.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Лиза!

Король с трудом садится на софе, еле сгибает свои толстые ноги. Ищет ногами тапочки на полу, находит. Берет тяжелую трость, с трудом, кряхтя встает на ноги и, шатаясь, идет к столу. По дороге берет с буфета канделябр и ставит его на заваленный снедью и бумагами стол. За столом спит Елизавета, девочка-подросток 13-ти лет, положив голову на руки. Генрих склоняется над ней, шумно ды-

ша. Генрих вытаскивает листок бумаги из-под ее рук, читает вслух:

ГЕНРИХ (ПРОД.)

"Несется к небу стон мучеников убиенных,
Излилась кровь их из-за измен и злобы.
Благой Судья, услышав пыток вопль,
Придет опять с чумой и градом на тебя..."

Пока он читает, Елизавета в полусне поднимает голову и вскоре продолжает стих:

ЕЛИЗАВЕТА

(бормочет)

"...И ты падешь, в прах обратив
Все башни и дворцы, и истуканов гордых,
Чтоб быть навек среди народов Предостережением яв-
ным,

Как Грешный Град, что сокрушен Святым и праведным
Всевышним..."

Ее голос к концу становится уверенным, и, замолчав, она в упор смотрит на отца. Генрих смотрит на нее с гневом, но внезапно хохочет:

ГЕНРИХ

(смеясь)

Твой бунт глуп и бессмыслен, дитя! Граф будет казнен, несмотря на твои намеренные ошибки в моем ордонансе, несмотря на твою и мою любовь к его чудесному стихоплетству, несмотря на его благие и многочисленные подвиги во имя меня, несмотря на его несомненное человеческое благородство – граф будет казнен. Таково мое желание – пусть оно тебе кажется капризом безумца, дочь моя, и ты знаешь, что я и есть безумец – но, верю, что скоро ты поймешь глубокие и верные корни этого безумия, которое послужит основой твоей власти. Уф, утомила...

Он снова садится на софу, точнее, падает, вытянув толстые ноги.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Пиши опять, Лиза.

ЕЛИЗАВЕТА

Нет.

ГЕНРИХ

Ты напишешь... Напишешь... Напишешь...

Голос его затихает, и, кажется, он задремал. Громко сопит в нос, голова его падает на грудь. Елизавета усмехается.

ся и тихо говорит, хватая перо со стола:

ЕЛИЗАВЕТА

Я напишу, папа, твой ордонанс. Итак, что ты там сказал?

Елизавета смотрит на дремлющего отца.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

(с грустью)

Уснул... На пару фраз хватило сил... А смерть была бы благом.

Она задумывается, бросает перо и встает. Кружась, идет к отцу, становится у него за спиной, бормоча и шепча на ходу:

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Этим последним словом предписываю: казнить того, кого люблю, кто поднял Лондон на вершину мира, кто мне помог увидеть этот мир и понять, что он несложен, и умещается в одной строке – не знают люди меры в жадности своей! И этой слабостью мы пользуемся как струной в лютне, то ослабляя добротой, то напрягая силой, и возникает музыка, смиряющая своею непреложной красотой и нищего в грязи, и в золоте царя любого! Казнить того, кого люблю! Казнить, как казнена тобой та женщина, чей вид давно мной позабыт, но

запах материнский все еще со мной, и жжет меня до середины сердца! Казнить тебя, король – властитель мира и отец любимый... Казнить... Казнить... Казнить...

Последние слова она шепчет Генриху в ухо, чуть не плача. И Генрих сквозь сон повторяет за Елизаветой:

ГЕНРИХ

Казнить... Казнить... Казнить...

Он встрепенулся, проснувшись. Елизавета быстро отходит от него.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Ты написала, Лиза?

ЕЛИЗАВЕТА

Нет, отец, я выбираю стиль письма и доводы без подозрений в твоём злом умысле, ведь граф Суррей любим народом.

ГЕНРИХ

Убеждать народ?! Ах, Лиза, ты волнуешься о лишнем – народ все съест. Скажи, что он предатель, и все поверят!

ЕЛИЗАВЕТА

И в чем же предал он тебя? Что написать?

ГЕНРИХ

Пиши – "Предатель"! И больше ничего! А там уж сами они домыслят и выберут достойную основу его предательства. Где Эдуард?

ЕЛИЗАВЕТА

Он спит. Ведь ночь уже, и мне пора в постель...

Елизавета деланно зевает. Она бродит по опочивальне, пинает комки бумаги. Генрих наблюдает за ней. Елизавета ловко подбрасывает ногой самый большой комок.

ГЕНРИХ

Что ты делаешь?

ЕЛИЗАВЕТА

Играю, чтобы не заснуть.

ГЕНРИХ

Во что играешь?

ЕЛИЗАВЕТА

Не знаю... Это ведь бумага от твоих ордонансов. Играю отрубленными тобой головами.

Она с силой пинает комок, Генрих смотрит вслед улетевшему бумажному шарiku.

ГЕНРИХ

По краю ходишь, Лиза. Так заиграешься, что и сама окажешься среди них. Мне не дан дар жалеть любимых.

Елизавета садится на пол, берет маленький бумажный комок.

ЕЛИЗАВЕТА

Я знаю. Но я ведь нелюбима, и оттого смела перед тобой.

ГЕНРИХ

Ты не права.

ЕЛИЗАВЕТА

Ну так казни меня, раз любишь!

Она ложится на живот и убирает волосы с шеи.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Казни! Пойти на плаху рядом с Говардом – это честь для меня. И люди еще более уверуют в твое величие – чем непонятнее и изощреннее твои капризы, тем больше они верят в твой непостижимый властный ум, ведущий их к благоден-

ствию. Нога и шар – так и назову я эту игру.

Она отпихивает бумажный шарик. Генрих растерянно смотрит на нее. А она уже лежит на спине, раскинув руки.

ГЕНРИХ

Умна не по годам... Вот почему наш шут завидует тебе. Но слишком просто все в твоих размышлениях, Лиза. Словно ты решаешь строчку в уравнении. Но власть – не арифметика, и ты поймешь к 16 годам, а это будет скоро. Меня тогда не будет, и много бед обрушится на твою светлую голову...

ЕЛИЗАВЕТА

А что же власть, отец, если не арифметика?

ГЕНРИХ

Фортуна! Власть приходит и держится по прихоти фортуны, а уходит по глупости. Мне повезло – я ухожу естественным путем, и через месяц, а, может, пару дней вам с братом и сестрой предстоит испытать эту чудачку фортуны.

ЕЛИЗАВЕТА

Отец, не думай, что нужна мне власть!

ГЕНРИХ

Нужна!

Елизавета пытливо смотрит на Генриха.

ЕЛИЗАВЕТА

Нужна?

Генрих уверенно кивает головой.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Власть благородных убивать?

ГЕНРИХ

Да!

ЕЛИЗАВЕТА

Власть миловать ничтожествов?

ГЕНРИХ

Да!

ЕЛИЗАВЕТА

Власть, чтобы было не зорно спорить с Богом и его наместниками на земле?

ГЕНРИХ

Не делай вид, что тебе есть дело до того, что унижил цер-

ковь я до кроткой псины для охоты, и больше мы не слушаем развратников из Рима. Нет ближе к Богу жителя земли, чем король. Запомни это, и об остальных не беспокойся.

ЕЛИЗАВЕТА

Но это ведь неправда.

ГЕНРИХ

"Пред богом все равны...", я знаю... Такие истины тебе внушал почтенный граф, чью голову ты хочешь так спасти? Он прав, и глядя смерти в ее ужасный лик – сейчас, когда с тобой я говорю, смотрю в ее глаза – я понимаю эту правду, как никто другой. Но тебе до смерти далеко, и потому забудь об истинах. Пока.

Елизавета вскакивает.

ЕЛИЗАВЕТА

Власть глупости творить?

ГЕНРИХ

Когда ты умираешь – да. Ведь хуже мне не будет больше. Но не ранее. И потом, дитя, поверь – о моих предсмертных безумстве и глупости ты будешь вспоминать с благодарностью.

ЕЛИЗАВЕТА

С благодарностью?! Или ты шутишь, или твои речи с каждой минутой и каждым словом теряют смысл.

Генрих смеется.

ГЕНРИХ

То ты смела, то прячешь мысли за вереницей букв. Скажешь кратко, что отец – безумец. И, надеюсь, ты узнаешь когда-нибудь – какое счастье быть безумцем! Особенно, на королевском троне! Дай мне табаку.

Генрих протягивает ей ключ, Елизавета берет ключ и идет к буфету, открывает ключом маленький ящик в буфете и вытаскивает табакерку. Пока отец не видит, она открывает табакерку и принохивается. Громко чихает – табак разлетается. Генрих сидит на софе и что-то чувствует в воздухе. Он громко вдыхает носом. Елизавета, замерев, со страхом смотрит на него.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Табак?! Рассыпала табак?! Иди сюда!

Елизавета нерешительно подходит к отцу и протягивает ему табакерку, при этом садясь на колени.

ЕЛИЗАВЕТА

Прости, отец. Я не хотела.

Она шмыгает носом и вытирает мокрые глаза. Генрих открывает табакерку, его глаза тоже наливаются влагой.

ГЕНРИХ

Щепотка... Одна щепотка!

Он пальцами переминает эту щепотку табака.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Как ты могла?! Ты так желаешь смерти мне?

Он нюхает табак, на его лице – наслаждение, глаза закрыты. Он кладет табак обратно в табакерку. Елизавета продолжает хныкать.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Замолчи!

(начавшееся было вновь хныканье Елизаветы прекращается)

Рассыпать табакерку все равно, что выкинуть в вулкан мешок алмазов! Придется снова просить испанского посла прислать нам табака... Как не люблю я этого прохиндея! Или не придется, умру я раньше, и ты тому вина. Молчи! Лишь

табак мне помогал забыть о вечной боли в ногах, в желудке, в пальцах рук. А теперь, сгнетенный страшной болью, умру я в две недели – не больше.

Он берет Елизавету за подбородок.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Или же в 13 дней, в 12, в 10... Да, точно – смерть за мной придет в середине января... И ты тому вина, дитя мое... Не надо плакать – убивать своих отцов для принцев и принцесс такая малость! И часто это благо для страны. И если скажешь, Лиза, что табак тобой рассыпан неслучайно, что любопытность глупого ребенка лишь повод, и сунула ты свой в веснушках нос в мой табак для ускорения моей кончины, для увеличения предсмертных мук жестокого отца – то быть тебе великой королевой! Так что ответишь?

Он отпускает подбородок Елизаветы и пытливо смотрит ей в глаза.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Встань и ответь!

Елизавета поднимается с колен. Склонив голову, она стоит перед Генрихом.

ЕЛИЗАВЕТА

Я... Я... Мне...

ГЕНРИХ

Громче! Хочу услышать я голос властителя, а не трусливого отродья!

Елизавета молчит. Внезапно Генрих хватается за сердце, скрючивается, стонет от боли. Елизавета устремляется к нему.

ЕЛИЗАВЕТА

Отец! Отец! Я не хотела! Я позову врача! Стража! Стража! Что мне сделать, мой король? Генрих! Папа! Что мне делать? Я не могу смотреть на твои страдания, и готова взять себе всю боль твою, отец! Скажи, что сделать!

ГЕНРИХ

(сквозь стоны)

Лиза... Лиза... Ты облегчишь мне боль... Когда признаешься, что давно желаешь моей смерти... Хочу я правды от тебя, моя принцесса...

Елизавета снова плачет, обнимает отца.

ЕЛИЗАВЕТА

Я не могу, отец! Не могу!

ГЕНРИХ

(кричит)

Умираю! Скажи!

Елизавета набирается сил.

ЕЛИЗАВЕТА

(кричит)

Вся правда в том, отец – желаю я, чтоб правил ты всегда!

Генрих моментально перестает стонать и корчиться от боли. Тишина. Генрих начинает громко хохотать. Елизавета смотрит на него растерянно. Отсмеявшись, Генрих вздыхает, гладит Елизавету по щеке.

ГЕНРИХ

Простушка как и мать. За то люблю тебя, что заставляешь вспомнить о тех глазах, губах и страсти... И простоте.

Он тяжело поднимается, опираясь на трость. Отказывается от помощи дочери. Медленно идет к буфету.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

За простотою Анны была лишь простота – и это погубило

твою мать. За простотой твоей я вижу бездонность мыслей, планов, будущих интриг... А может вижу то, чего хочу, и ты проста как мать до самого нутра.

Елизавета садится на софу, почти успокоившись. Генрих открывает другой ящик в буфете и вытаскивает вторую табакерку. Нюхает табак с наслаждением, Елизавета смотрит на него с удивлением и гневом.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Как хорошо!

(замечает взгляд дочери)

Да, таких табакерок припрятано с десятков по всему дворцу – уж так люблю табак!

Генрих также медленно идет к софе, садится рядом с Елизаветой, продолжает нюхать табак.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Обиделась? Не надо! Пора привыкнуть к низости моей, к моему коварству, к непотребным шуткам, к моему веселью от твоей печали. Когда меня не будет, все это увеличится в десятки раз со стороны других, пока ты не придешь в себя и не дашь отпор... О чем я говорю?! Забудь. Учю, учю...

Генрих слегка щелкает дочь по носу.

ЕЛИЗАВЕТА

Раз ты любил ее, зачем казнил?

ГЕНРИХ

Ты о ком из них?

ЕЛИЗАВЕТА

О маме.

ГЕНРИХ

Ах, об Анне. Я не казнил. Казнил палач. А я убил, поставив подпись.

(вздыхает)

Быть искренней, пытаться себя виной за то, что дала возможность недругам своим обвинить ее в измене, бесконечно убеждать супруга, то есть, меня в чистоте своей, лить слезы дни и ночи напролет пред алтарем, умоляя бога унять меня... От этой простоты и глупости ее я даже заболел зубами – настолько это мне презренно... Уж лучше бы призналась.

ЕЛИЗАВЕТА

Ты б все равно ее убил, с признаньями иль без...

ГЕНРИХ

Ну да. Но с ее признанием я сделал бы это с легким серд-

цем. А мне пришлось страдать от мысли, что могу неправым быть. Как это тяжело!

ЕЛИЗАВЕТА

Понимаю. Еще и боль в зубах. Тяжело вдвойне. Страдалец больше, чем Франциск Ассизский.

Елизавета с печалью качает головой. Генрих с сомнением смотрит на нее.

ГЕНРИХ

Однако, в желчи ты можешь превзойти меня...

Елизавета усмехается и встает с софы, кланяется отцу.

ЕЛИЗАВЕТА

Прости, отец. Вернемся к ордонансу.

Она садится за стол, берет перо.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Пишу "предатель" основной причиной казни Генри Говарда, он же граф Суррей... И усилением добавляю еще грехи, чтоб не было сомнений у толпы: прелюбодей, обжора, лжец и льстец, убийца, тайный еретик, хулиТЕЛЬ честных душ

и вдохновитель падших, шпион врагов всех наших, что стелкивает их лбами во благо Англии, себя при власти возвышая – а это есть гордыня! Создатель мерзких рифм, взывающих к изменам, к низкой страсти, к желанию обойти земли законы и взлететь как птица... Тех рифм, от которых хочется себе противоречить – плакать в счастье и смеяться в горе, уметь прощать себя и допускать ошибки, чтоб впредь умнее быть, а после умереть с покоем и улыбкой...

Генрих стучит сильно тростью по полу.

ГЕНРИХ

Уймись, паршивица!

Елизавета невозмутимо дописывает, потом сыплет песок на лист и сдувает. Трясет бумагу.

ЕЛИЗАВЕТА

Готово.

ГЕНРИХ

Все это написала?

ЕЛИЗАВЕТА

Конечно, нет, отец. Слова точны, сухи, скупы, как любишь ты. А то, что слышал ты сейчас – все та же желчь упрямого

ребенка. И полагаю, тебе она по нраву, раз до сих пор жива я.

ГЕНРИХ

(смеясь)

Ты права – по нраву! И я ошибся – яд твоих речей сильнее моей словесной желчи...

Она приносит ордонанс Генриху, возвращается к столу и ест с громким хрустом яблоко. Генрих с удивлением смотрит на лист с ордонансом.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Что это? Слова по вертикали?! Лишь только демоны так пишут!

Елизавета продолжает грызть яблоко.

ЕЛИЗАВЕТА

Нет, не демоны. Китайцы.

ГЕНРИХ

Китайцы?!

Генрих сидит в оцепенении, не в силах ничего не сказать, не в силах двинуться с места. Падает трость из его руки. Елизавета бросает яблоко, подбегает к Генриху и подхва-

тывает табакерку, чуть не упавшую из другой руки короля.

ЕЛИЗАВЕТА

Вы только что чуть не выкинули в вулкан мешок алмазов, мой король. Надо быть осторожнее.

Она прячет табакерку в буфете. Генрих, наконец, приходит в себя.

ГЕНРИХ

Китайцы?!

ЕЛИЗАВЕТА

Да, отец, китайцы. По мудрости они давно нас обогнали, особенно в вопросе казни.

ГЕНРИХ

Это слишком, дочь! Не я безумец – ты!

Он комкает ордонанс и бросает на пол. Елизавета вздыхает.

ЕЛИЗАВЕТА

Опять...

Она идет и поднимает комок бумаги, разворачивает его.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Прости, отец, но я прочту, и будешь удивлен моею твердостью и умом.

ГЕНРИХ

Ты уже достаточно меня удивила.

ЕЛИЗАВЕТА

Но все же, ордонанс короткий, и не утомит тебя. Я читаю. Вот: "Сей Генри Говард, граф Суррей, сын Томаса Говарда, герцога Норфолкского и Элизабет, урожденной Стаффорд; муж Фрэнсис, урожденной де Вер, будучи изменником, убийцей и публичным врагом, присуждается к смертной казни через отсечение головы от туловища. А вместе с ним та же казнь присуждается всем вышеупомянутым особам, как пособникам преступных действий сего господина. Дети их лишаются права наследования как титулов, так и имущества всего. Подпись и печать". Все.

Пауза. Король молчит и не шевелится.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Ну? Что скажешь, мой король?

ГЕНРИХ

И все это по вертикали? Как у китайцев?

ЕЛИЗАВЕТА

Да.

ГЕНРИХ

Насчет отца его согласен. Но жены их невинны. И причем здесь дети?! Или ты знаешь больше, чем известно мне?

ЕЛИЗАВЕТА

Нет, они невинны, да. Но как заведено китайцами – и такое было у нас когда-то – этим мы прервем их подлый род.

ГЕНРИХ

Подай мне трость.

Елизавета поднимает трость с пола и сует ее в руку Генриха. Он подбородком опирается о набалдашник трости.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Не знаю, что сказать. То ли твои китайцы – варвары, то ли мудры... Перепиши все это как надобно, по горизонтали – но только не приплетай опять кого-нибудь, сарацинов или иудеев – пиши слева направо и сверху вниз, шутница. А после дай мне на печать. Казнь Генри устроим завтра. Остальных потом.

Елизавета кланяется.

ЕЛИЗАВЕТА

Все будет сделано, отец. И прошу твоего изволения выйти на минутку.

ГЕНРИХ

Иди.

Елизавета выходит через дверь в стене, которая разделяет сцену на две части – большая часть за опочивальней, меньшая – за коридором дворца. Там, в коридоре Елизавета садится на пол, прислонившись к стене, и горько плачет. А в это время Генрих смотрит на пустой трон, стоящий на небольшом постаменте. Потом он тяжело встает и с помощью трости с трудом поднимается к трону, опирается о его борты. Гладит сиденье.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Тому, кто сядет следующим сюда, не позавидуешь... Тебе, мой милый мальчик, мой Эдуард, оставляю я страну на грани распри, и потому поймешь, я знаю, почему приходится мне спешно казнить всех тех, кто может помешать тебе. И будь достоин тех великих зад..., зад..., замечательных, за..., за-служивающих всяческого поклонения, за..., за..., завидных

и прозорливых мужей, что восседали здесь...

Он, устав, опускается на постамент у трона.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Да что я несу! Все эти короли, все эти задницы, что грели этот трон, включая твоего отца – будь выше их! Никто из нас не видел дальше носа своего – чванливы, зависти полны, с рожденья в подозрениях и страхах за свои душонки, в которых кроме грязи и порока нет ничего!

Из темноты звучит голос Елизаветы:

ЕЛИЗАВЕТА

А можно ли иначе?

Генрих резко поднимает голову.

ГЕНРИХ

Лиза?! Ты шпионишь?!

Из темноты выходит Елизавета, теперь она в мужской одежде, в руке у нее склянка с лекарством.

ЕЛИЗАВЕТА

Услышала случайно твои слова. Вот доктор передал для

облегченья мук твоих.

ГЕНРИХ

Что за маскарад?! Точно – шут...

Он берет лекарство, пьет, с сомнением рассматривая мужское одеяние Елизаветы. Елизавета кружит вокруг него.

ЕЛИЗАВЕТА

"В которых кроме грязи и порока нет ничего"?! А можно ли иначе править?!

ГЕНРИХ

(морищится)

И доктора казнить бы надо, за горькость его лечебных средств!

ЕЛИЗАВЕТА

Возможно, наполнил склянку он другим – когда я встретила его, наш доктор вышел из уборной, завязывая одной рукой штаны, другой держа лекарство для тебя.

Генрих начинает кашлять и отплевываться.

ГЕНРИХ

Все шутишь, дочь. И все ближе конец терпенью моему, а, значит, ближе твой конец, когда шутить не прекратишь...

ЕЛИЗАВЕТА

Всю жизнь мне так грозишь, но я пока жива.

ГЕНРИХ

Жива, поскольку понимаю, что это от моих уроков научилась ты жестоко насмеяться над людьми, тогда себе я тоже должен казнь присудить.

ЕЛИЗАВЕТА

(тихо)

Давно пора.

ГЕНРИХ

Что?

ЕЛИЗАВЕТА

Ничего. Король не хочет отвечать на мой вопрос?

ГЕНРИХ

Что за вопрос? Не слышал.

Елизавета присаживается на стол, отодвинув посуду и бумагу.

ЕЛИЗАВЕТА

Спрошу еще раз – разве можно править королю без зла в душе?

ГЕНРИХ

Не спрашивай о том, чего ты избежишь, счастливица.

ЕЛИЗАВЕТА

Это почему?

ГЕНРИХ

Эдуард – ребенок, но власть ему так впору! Власть на нем сидит как ладное и дорогое платье, в котором чувствует он себя свободно и достойно, и никогда ее он не упустит. А вам с твоей сестрой остается честь служить ему до дней своих последних.

ЕЛИЗАВЕТА

(усмехаясь)

Служить ему?! Он до сих пор играет в куклы...

ГЕНРИХ

Что ж, пусть – с куклами он репетирует управление толпой.

ЕЛИЗАВЕТА

И нянька все еще питает Эдуарда своей грудью...

ГЕНРИХ

Тем сильней он будет!

ЕЛИЗАВЕТА

Он – трус! Он спит при свете ламп – так тьма ему страшна!

ГЕНРИХ

Тьма – зло, а свет – добро, отсюда следует, что Эдуард на стороне добра.

ЕЛИЗАВЕТА

(кричит)

Он боится женщин, но с мальчиками близко дружен!

Генрих добродушно хохочет.

ГЕНРИХ

Как можно в 10 лет не бояться женщин?! Эдуард – ребенок, и радости от женских ласк пока не понимает. А с юношами пусть веселится сколько влезет – по себе я знаю, засев на трон, он их избавит от жизни суеты, тем самым попрощавшись с беззаботным детством... Что с тобой, Лиза? Ты будто ненавидишь брата? Ведь сколько раз его ласкала, иг-

рала с ним, и до сих пор я вижу вас двоих в саду, счастливых от общения друг с другом. Что случилось?

Елизавета все еще сидит на столе, но опускает голову и отворачивается. Потом садится за стол, перебирая лихорадочно предметы на столе. Генрих усмехается.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Я понял.

Он поднимается с постамента, опираясь о трон.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Ты боишься за него. Власть испортит милого ребенка.

ЕЛИЗАВЕТА

(громко)

Да! Я не хочу видеть, как Эдуард будет обращаться в подобие тебя, хороня свой ум и доброту!

ГЕНРИХ

И не увидишь – таким, как я, он станет сразу, вмиг, как только сядет на престол. И в этот день ты не узнаешь Эдуарда, он станет холоден к тебе и прочим близким, возможно, ушлет тебя с Марией в монастырь, подальше от себя, чтоб вы не напоминали ему о его детской беспомощности и вашей

заботе о нем.

Генрих смотрит на трон с сожалением, а после идет к столу.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Налей вина.

Елизавета наливает в бокал.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

И себе.

Она наливает во второй бокал из кувшина. Генрих бросает себе в рот маслину из вазы и берет свой бокал.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Наш Эдуард здоров как бык, и будет править долго, но все же выпьем за его здоровье, а также за верность королю его сестер – прежде всего тебя, уж больно ты строптива.

ЕЛИЗАВЕТА

Верней меня не будет, мой король.

ГЕНРИХ

Я знаю.

Он отпивает и идет к своей софе. Падает на нее, устраивается удобно, подложив под голову подушку.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Так я ответил на твой вопрос?

ЕЛИЗАВЕТА

И в чем ответ? Не понимаю.

ГЕНРИХ

Ты спрашиваешь, можно ли стоять у власти без зла в душе. Конечно, можно!

ЕЛИЗАВЕТА

Но я не припомню ни одного такого ни в Англии, ни в мире, кто правил бы единственным оружием – добром и справедливостью для всех. Такой и дня б не выжил.

ГЕНРИХ

Все правители добры! Были добры Нерон и Сулла, почти святыми я назову и Чингизхана с Торквемадой! И как чувствителен к беде народной был Карл Шестой Безумный!

ЕЛИЗАВЕТА

Сейчас себя ты агнцем назовешь...

ГЕНРИХ

Да, дочь моя, это так. И я таков – благочестив и кроток.

Елизавета еле сдерживает смех.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Поскольку зла нет в правителе – во всяком случае, в королях не больше злобы, чем в любом другом из смертных.

ЕЛИЗАВЕТА

К чему ты клонишь?

ГЕНРИХ

В правителях нет зла. Но власть сама есть зло, первейшее из всех дьявольских напастей! Власть – чума! Власть – рабские оковы из золота и алмазиков, ошейник, смазанный нежною амброю!

ЕЛИЗАВЕТА

Звучит как оправдание потворству слабостям своим... И не ново! Еще Платон об этом говорил...

ГЕНРИХ

Платона не читал, но так и есть – и оправдание, и правда. Борьба с властью, что дана тебе по праву, бесполезно,

она проглатывает тебя без остатка, уничтожает сразу божью суть людскую... А потом идешь за нею слепо, надеясь, что потомки не осудят строго, а, может, будут чтить как прорицателя и мудреца...

Елизавета громко хохочет, держась за живот и сгибаясь наполовину.

ЕЛИЗАВЕТА

Похоже, здесь шут – не я!

ГЕНРИХ

(сердито)

Что?!

Елизавета наполняет еще бокал.

ЕЛИЗАВЕТА

Не во власти дело! Как эль пьянит пьянчуг, тебя пьянят убийства!

ГЕНРИХ

Опять не поняла меня...

ЕЛИЗАВЕТА

Все понятно! Не власть ведет тебя, а та бездумность и бла-

женство, что дурманят сердце короля, когда в пустой причине казнит он с два десятка кряду – будь верный то слуга, любовница, жена, иль враг – неважно! Как только брызжет кровь с высокой плахи на толпу, король готов плясать и петь под песню смерти, забыв о смертности своей на миг! А после – похмелье, стыд, вина, что надо смыть свежайшей кровью! Смотрите!

Елизавета подходит к королю с двумя наполненными бокалами, садится перед ним и опирается о его колени. Король роняет свой бокал.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Вот, выпей чашу – это тело Кранмера, кого ласкаешь ты за ухом, как преданного пса, но втайне ненавидишь! Испей его до дна, чтоб не осталось жизни в нем ни капли, чтоб никогда не льстил, не лебезил, не докучал тебя своей послушностью и верой королю! А в этом кубке – Дэвидсон, славный генерал, попортивший изрядно наших войск в шотландских битвах! Вот его цеди без спешки, осторожно, наслаждаясь мученьями его бесславного конца.

Елизавета подбирает пустой бокал, оброненный королем.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Здесь пусто?! Ах, да! В этой пустоте простушка, кому король признался в любви безмерной, и потому казнил...

Генрих в гневе отталкивает Елизавету, она садится на пол, задевая наполненные бокалы, из которых разливается вино.

ГЕНРИХ

Мерзкая девчонка! Убью!

ЕЛИЗАВЕТА

(кричит)

Убей!

Генрих смотрит на нее сверху вниз. Успокаивается. Затем раскатисто хохочет. Смех короля постепенно смолкает. Внезапно Генрих грустнеет.

ГЕНРИХ

(меланхолично)

И вот опять жалею, что вернул тебе права на трон, хоть призрачны они... В бастардах ты была наивна и светла.

ЕЛИЗАВЕТА

То дитя, о ком ты говоришь, кончилось во мне. Я выросла.

Елизавета встает с пола и идет к столу. Генрих видимо обрадовался.

ГЕНРИХ

Ты выросла?! Ну так пиши мой новый ордонанс – дела с мятежным графом закончим после...

ЕЛИЗАВЕТА

Говард не мятежник!

ГЕНРИХ

Но казнь ему ты приписала.

ЕЛИЗАВЕТА

Чтоб ублажить тебя и посмеяться – ведь я люблю играть словами...

ГЕНРИХ

Довольно! Возьми перо!

Елизавета, подумав, берет перо, макает его в чернила.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Итак, мой новый ордонанс. "Укрепляя наш союз с Испанией и во благо великой Англии, лорду Чемберлену, графу 12-му Арундела предписывается немедленно отбыть к ис-

панскому двору, дабы благополучно закончить переговоры с королем Испании Карлом 5-ым о браке его сына и единственного наследника принца Филиппа с принцессой Елизаветой, дочерью и законной наследницей короля Англии Генриха 8-го...".

Елизавета бросает перо и резко вскакивает.

ЕЛИЗАВЕТА

Что?! Брак с Филиппом?! И как давно велись переговоры?

ГЕНРИХ

Сядь, остынь – все это для твоего покоя...

ЕЛИЗАВЕТА

Верни меня назад в бастарды – там будет больше мне покоя, чем в замужестве за Филиппом!

ГЕНРИХ

Чем он тебе не угодил?! Испания тебе так ненавистна?

ЕЛИЗАВЕТА

Да!

ГЕНРИХ

Твоя сестра Мария кровей испанских...

ЕЛИЗАВЕТА

Ненавижу и ее! И если страх короля перед могуществом испанским так велик, то отдай Марию им на съедение!

ГЕНРИХ

Страх?! Могущество испанцев?! О чем ты, Лиза? Мне дела нет до них, но вот в политике, которую ты по незрелости понять не можешь, есть множество деталей, правил и оттенков, и обойти их никому не удавалось без удара по подданным своим. И думаю, мальчику Филиппу тоже ненавистна мысль быть мужем взбалмошной англичанки, что прыгает на любого словно глупая коза... Но чувств политика не признает...

Вдруг Генрих начинает задыхаться, откашливается.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Что такое? Нет дыханья...

Генрих пытается привстать, но не получается.

ЕЛИЗАВЕТА

(настороженно)

Опять притворство?! Как дитя...

ГЕНРИХ

Не могу подняться... Задыхаюсь... Помогите!

Генрих сползает с софы на пол, его скрючивает. Елизавета сидит в оцепенении. Генрих застывает.

ЕЛИЗАВЕТА

(тихо)

Умер? Будто не дышит... Не видела я хуже шуток, мой король... Отец!

Пауза. Елизавета неуверенно встает и медленно подходит к отцу. Садится на колени у его тела. Она трогает его плечи.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Отец? Папа? Что с вами?

Потом начинает теревить его сильнее, и, наконец, у него вылетает маслина изо рта. Генрих тяжело дышит. Он начинает плакать, глядя дочку.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Табаку, отец?

ГЕНРИХ

Нет... Зря я ее убил, Лиза! Недостойная смерть от моих рук постигла твою мать! А я ведь любил ее, любил! Любил, Лиза...

Они сидят в обнимку.

ЕЛИЗАВЕТА

Все прошлое, отец, и отболело давным-давно... Мертвых не вернуть.

Она поднимает его на софу.

ГЕНРИХ

О чем мечтаешь, дитя мое, всегда хотелось знать?

Лиза пожимает плечами.

ЕЛИЗАВЕТА

О чем мечтать, когда здесь есть все, что только пожелаешь.

ГЕНРИХ

И все же, Лиза?

Он гладит ее.

ЕЛИЗАВЕТА

Ну раз тебе так любопытно... Мечтаю оказаться подальше от престола, к примеру, в дальних степях, где бродят амазонки. Или в пустынях Африки с обозом из торговцев. Или куда подальше, где открыты земли невиданные по красоте...

ГЕНРИХ

Ах, Лиза – везде одно и то же, где зла побольше, где поменьше. Но все едино. Но амазонок я тебе пришлю, хоть ныне они редкость. Только на что они тебе?

ЕЛИЗАВЕТА

Для игр, для знаний. Для любви.

ГЕНРИХ

Любви?! Смела ты не по годам такое говорить отцу. Так значит не хочется тебе к испанцам?)

(устало)

Ну что ж, пойдешь назад в бастарды, как хотела, отправлю в графство там, где быть тебе одной и не болтать так смело, не будет собеседника тебе. И, кстати, земли Суррея теперь свободны, а потому отправлю-ка туда свою любимую дочурку! Там куча книг его, по которым он учил тебя с любовью и почтеньем, и тишина, и слуги графа ходят смиренно, а ведь они были ему верны до смерти. И будешь ты в осаде тех, кто возненавидит каждое твое слово, и даже вздох за то, что ты

казнь их соверену приписала. Такая моя воля.

Глаза Лизы наливаются слезами. Она встает в своей мужской одежде.

ЕЛИЗАВЕТА

Как видишь, я готова!

Она разворачивается и пытается уйти.

ГЕНРИХ

Так стой, несносное дитя! Останешься принцессой, но без мужа, как и хотела. А дальше уж не знаю...

ЕЛИЗАВЕТА

Все шутки, папа! Но ведь велись переговоры с испанским тронem? Или тоже шутки?

ГЕНРИХ

Велись, но про Марию – она умнее, набожна, скромна – тебе не чет. Славной парой будут оба!

ЕЛИЗАВЕТА

Набожна, скромна?! Не видел ты, как тихая Мария змеёй шипит на тех, кто смеет слово молвить против святош из Рима, которых ты изгнал, и этим самым вонзил ей в сердце

НОЖ...

ГЕНРИХ

(смеясь)

И что с того? Пусть шипит – ведь жало вырвано давно вместе с этой гнусной церковью, посмевавшей мне указывать, как править! По сравнению с Римом я сам – святоша! Вся Европа стонет от их бесчинств, убийств и пыток! И ты braniшь меня за казни, за жестокость, за нелюбовь к народу, когда поблизости живет убийца кровожадной и страшнее, и имя ему – Вера?! Я Веру приручил, кормлю ее с ладони, и тем доволен – когда-нибудь поймешь, что не должно быть веры более, чем вера в короля.

ЕЛИЗАВЕТА

Как взъелся ты на Рим...

ГЕНРИХ

Ничего такого – я Рим люблю, нет города красивей. Но ты права – дай власть Марии, и в благочестии своем она затопит кровью всю Англию.

ЕЛИЗАВЕТА

(насмешливо)

Об этом Генрих говорит?!

ГЕНРИХ

(сердито)

Вернись-ка к ордонансу.

ЕЛИЗАВЕТА

О Марии?

ГЕНРИХ

Нет, к графу нашему Суррею. Пора его кончать. И не на-
пакости в письме, как это любишь!

Елизавета начинает писать и декламировать:

ЕЛИЗАВЕТА

И в миг, когда любви силки
Без сожалений грудь пленили
И слезы рек своих обильем
Безмерной болью одарили,
Когда я тяжело вздыхал
И будто смерти ожидал,
Мне вспомнилось, как в Трою шли
Несметные суда ахейн,
Как в клочья бились корабли
Об ярость злобного Борея;
Как Агамемнон, вняв мольбам,
Отдал на растерзанье дочь богам.

И десять лет войны,
Для поколений назиданье,
Проклятьями были полны
И жаждой крови во сраженьях.
Елену возвратят эллины,
Но сколько сгинет их безвинных!

Генрих аплодирует.

ГЕНРИХ

Он -гений, слова нет! Но пощажен не будет.

(берет лютню, набирает музыку)

И как прекрасно было б как песня сие творение!

Продолжает играть, пока Лиза пишет.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

И гениям потакать в их несносных пороках – можно государство развалить, поэтому иногда их нужно отправлять на плаху. И, по праву, гений здесь один – и это я, монарх!

Лиза прыскает в ладонь.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Разве я не прав?

ЕЛИЗАВЕТА

(иронично)

О, нет, мой король, вы правы во всем! Но как сказать об этом тем беднякам, что мрут в сражении шотландском?

ГЕНРИХ

И я бы встал среди тех бедняг, коли не занемог смертельно. Умирать в бою в защите трона – разве есть что-то лучшее?

ЕЛИЗАВЕТА

Безумства битв мне не понять.

ГЕНРИХ

Пока мала, не думай о таком. И не донимай отца!

ЕЛИЗАВЕТА

Закончила!

ГЕНРИХ

Неси.

Генрих читает.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Однако, ты не чужда безумству казни. Жестоко и беспо-

щадно твое перо. Но смерти дух тебе еще не близок.

ЕЛИЗАВЕТА

О чем вы, мой король?

Елизавета льет сургуч на бумагу, Генрих ставит перстнем печать. Лиза относит ордонанс к столу. Король вытаскивает меч из-за трона.

ГЕНРИХ

Ты казни человека подвергла и всю его семью. А я теперь безумец, и мне все равно, что люди скажут. Ты в шутку предлагала мне казнить тебя? Так я при деле.

Елизавета в страхе отходит. Король, опираясь о меч, медленно идет к ней.

ЕЛИЗАВЕТА

Что вы хотите, мой король?

ГЕНРИХ

(злобно хохоча)

Хочу тебя казнить, и здесь мне не до шуток. Клади свою головку прямо на трон!

ЕЛИЗАВЕТА

К чему вдруг этот гнев? В чем причина? Я не пойму...

ГЕНРИХ

Ты мне надоела. А наследников и так хватает. Головку!

Елизавета пытается смеяться. Но кладет голову на трон.

ЕЛИЗАВЕТА

Как часто в твоих шутках дурной тон.

Генрих размахивается мечом. Елизавета начинает плакать.

Заходят двое в черном, доктора, в страхе наблюдают за сценой.

1 ЧЕРНЫЙ

Мой сир, нам надо в смотровую, чтобы обследовать ваши раны.

ГЕНРИХ

Прочь, убийцы!

Он резко опускает меч, но острие останавливается прямо у шеи Елизаветы, она истошно кричит. Генрих тяжело

дышит. Лиза в ужасе.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Вставай, Лиза. Мой урок простой. Казнь – это тяжесть и мрак смерти, пока на плахе ты живой, и мчится свист меча к тебе неумолимо. И ничего ужасней в мире нет. Не дай бог тебе снова это испытать. Вы еще здесь?

2 ЧЕРНЫЙ

Это важно, сир. Умоляю!

ГЕНРИХ

(роняя меч)

Ну, несите, что ж.

Доктора под ручку уводят Генриха к двери. Елизавета лежит у трона, чуть не плачет, трет свою шею. Потом она берет меч отца двумя руками, который слишком тяжел для нее. Елизавета с мечом идет за спиной отца.

ЕЛИЗАВЕТА

(кричит)

Умри, как умирала мать! Безоружен, слаб и жалок!

Елизавета размахивается мечом, но доктора своими клинками преграждают ей путь.

1 ЧЕРНЫЙ

Принцесса! Нет!

2 ЧЕРНЫЙ

Остановитесь, ваше высочество!

Генрих, не в силах держатся на ногах, опирается о стол. Он отмахивается рукой.

ГЕНРИХ

Пустите ее. Дайте сделать то, что богу надо.

1 ЧЕРНЫЙ

Мой король, но как же...

ГЕНРИХ

(кричит)

Пустите!

Двое в черном нехотя расступаются. Генрих хрипит, его душит воротник.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Вперед, проказница, я твой. За тех, кого убил, и тех, кого убью. Вперед!

Он кашляет. Елизавета стоит в нерешимости. Генрих начинает хихикать.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Понятно.

И тут Елизавета, подняв меч, с криком бежит на него. Но один из докторов своим телом загоразживает короля, и меч Елизаветы останавливается у груди человека в черном. Человек в черном осторожно забирает у нее меч.

1 ЧЕРНЫЙ

Простите, ваше высочество...

Генрих отталкивает его.

ГЕНРИХ

Уйди.

Человек в черном ставит меч у трона. Генрих внимательно смотрит на Елизавету. Она не отворачивается.

ГЕНРИХ (ПРОД.)

Достойнее врага еще не видел я...

ЕЛИЗАВЕТА

И скольким говорил такое...

ГЕНРИХ

Им я лгал. Тебе сейчас не вру. Достойнее врага не видел я. Но все ж ребенок... Пойдемте.

Люди в черном выводят короля из опочивальни. Елизавета одна, стоит с опущенными плечами. Идет, наклоня голову. Садится на пустой трон, в руке ордонанс, другой рукой подбирает меч. Возвращается один в черном.

1 ЧЕРНЫЙ

Принцесса! Вам что-нибудь угодно? Король просил узнать...

Елизавета смотрит на ордонанс.

ЕЛИЗАВЕТА

Вот приказ монарха. Исполнить завтра.

Человек читает.

1 ЧЕРНЫЙ

Казнь... завтра... Но граф Суреей учил вас грамоте когда-то...

ЕЛИЗАВЕТА

Да. И это горько... Что такое?!

1 ЧЕРНЫЙ

Его стихи почитать и мне было по нраву...

ЕЛИЗАВЕТА

Что такое! Вы колен не преклонили!

1 ЧЕРНЫЙ

Простите, принцесса. Но эти почести лишь для королей на троне...

ЕЛИЗАВЕТА

Садитесь!

Человек садится на колени, склонив голову.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Идите, исполняйте ордонанс.

Человек встает и уходит. Звучит музыка. Девочка сидит на троне, с которого свисают ее ноги, не доходя до пола.

ЕЛИЗАВЕТА (ПРОД.)

Не буду сожалеть тогда,
Смиренно вынесу страдания;
И как отступят холода
Весной под нежными лучами,
Так я от суеты забот
Найду неспешный уголок. Иль не найду.

Елизавета улыбается.

Занавес.